

Врачи ошибаются, но остаются безнаказанными

После выхода статьи «Ошибка врачей привела к смерти пациента» («В» № 12 от 28.03.2012) в редакции не смолкал телефон. Звонившие соболезновали родным и близким Александра Прасола и рассказывали о тех страшных, по их мнению, минутах, которые они пережили в палатах не только городской больницы № 2, но и в других медицинских учреждениях края.

По иронии судьбы в эти же дни прошла учредительная конференция региональной общественной организации «Медицинская палата Камчатского края», куда вошли работники 23 медицинских и фармацевтических учреждений. Главной целью Медицинской палаты присутствующие провозгласили «реализацию и защиту профессиональных прав медицинских и фармацевтических работников».

Председателем Медицинской палаты Камчатского края был избран Владимир Анатольевич Речкалов.

Свою вступительную речь он закончил интригуя, по «гамлетовски»: «Быть или не быть»? После чего сделал значительную паузу и обвел зал тяжелым взглядом. Столь многообещающее начало вылилось, в конце концов, в обсуждение главного вопроса: откуда брать деньги вновь образованной общественной организации, и насколько она (организация) будет дееспособна.

Как оказалось, на территории Камчатского края зарегистрировано около десятка ассоциаций врачей и фармацевтических работников с аналогичной целью: защищать профессиональные права медицинских работников. Кроме того, на защите интересов медработников стоит профсоюзная организация медицинских работников. И лишь одна общественная организация – Общественный Совет по защите прав пациентов при Росмедздраве (председатель Грачев Леонид Александрович) поставила своей главной целью защиту прав пациентов. Причем некоторые члены Совета являются еще и членами ассоциаций медработников и Медицинской палаты одновременно.

Разумеется, «Вести» не могли не спросить, зачем нужна еще и Медицинская палата?

С этим вопросом мы обратились к председателю Медицинской палаты, врачу-анестезиологу Владимиру Речкалову:

В.Р.: Допустим, просто защитить врача.

Корр.: От чего защитить?

В.Р.: Защитить от неправомерных действий, допустим, администрации. Такой защиты нет.

Корр.: На это есть профсоюз.

В.Р.: Наверное, видимо, недостаточно.

Корр.: А ассоциация врачей?

В.Р.: Я, даже работая начальником горздрава, не знал, работает ли эта ассоциация.

Корр.: Владимир Анатольевич, Вы и Ваша только что учрежденная организация будете заниматься расследованием причин, повлекших смерть Александра Прасола, пациента городской больницы № 2?

В.Р.: Я думаю, надо материалы изучить.

Корр.: Кто будет изучать?

В.Р.: Прокуратура.

Корр.: Разве прокуратура мешает проведению вашей проверки?

В.Р.: Вот сейчас у меня более 100 жалоб по первой краевой и городской больницам. То же самое их касается, нет диагностической базы, особенно в выходные.

Корр.: Но там не было лаборантки, которая должна была взять кровь на анализы.

В.Р.: Их просто нет в наличии, как физических лиц. Другое дело, кто за это отвечает.

Конечно, руководитель, бесспорно.

Корр.: Ну, нет у тебя лаборанта, бригаду медицины катастроф вызови...

В.Р.: У нас такого не бывает. У нас работает круглосуточная лаборатория в составе отделения медицины катастроф

Корр.: Почему бы тогда к ним не обратиться?

В.Р.: Вот надо помогать, чтобы именно профессионал врач был заинтересован, и не подставляем. Потому что они не виноваты, врач и медсестра, из-за того, что не работает лаборатория. Но страдать будет он.

Корр.: Хорошо, если он видит, что что-то не так с пациентом, пусть вызовет других врачей, не хватает знаний – консультируется.

В.Р.: Жалоб сейчас много, много заявлений. За последние полгода уже написал 5 рецензий и все неблагоприятного характера.

С теми же вопросами мы обратились к министру здравоохранения Камчатского края Татьяне Владимировне Лемешко:

Корр.: Татьяна Владимировна, для чего создана медицинская палата?

Т.Л.: Региональная медицинская палата создается, в первую очередь, и для защиты медработников, но это на первый взгляд так кажется.

Корр.: Как кажется на второй взгляд?

Т.Л.: Она действительно в своем будущем должна получить такое развитие, что и защита прав пациентов, профессионализм врачей поддерживать, аттестация. Это сегодня проводит Минздрав. А будет общественная организация проводить. Другие требования, другой подход...

Корр.: Они (требования) будут отличаться от ваших?

Т.Л.: Они будут строже.

Корр.: А что мешает министерству делать их строже?

Т.Л.: Потому что они (врачи «медпалаты») практики и профессионалы.

Корр.: Значит, в Минздраве непрофессионалы работают?

Т.Л.: Почему? В министерстве работают профессионалы. А многие из них как раз участвуют в нашей внештатной комиссии. Мировой опыт показывает, что такие региональные медпалаты, более плодотворно работают, и я параллельно работала с такими структурами...

Корр.: Чей мировой опыт?

Т.Л.: Насколько я могла изучить – это американский и германский опыты, и опыт других развитых стран. Да, мы сегодня только в самом начале ступени.

Корр.: Но уже сформулировали первоочередную задачу – защита профессиональных интересов медицинских работников. Вам не хватает ассоциаций, профсоюзов? Чего еще не хватает, чтобы защищать профессиональные интересы медиков?

Т.Л.: Понимаете, нам всего достаточно, казалось бы. На самом деле передовой опыт

других стран говорит о том, что именно такие региональные медицинские организации работают более плодотворно.

Корр.: Плодотворно работают в чем?

Т.Л.: Мы сегодня с вами неуверенно говорим. Давайте с вами поговорим на эту тему через год. Думаю, это было бы более продуктивно. У них есть устав...

Корр.: Что вы можете сказать о смерти Александра Прасола. Вы уже занимаетесь этим вопросом?

Т.Л.: Да, мы занимаемся этим вопросом. К сожалению, сейчас не могу комментировать.

Корр.: Почему?

Т.Л.: Ну... давайте... все-таки сегодня этим вопросом занимается прокуратура.

Подождем решение прокуратуры.

Корр.: У вас создана краевая медицинская комиссия?

Т.Л.: У нас комиссия не заседала. Вчера мы провели только предварительное совещание, учитывая, что сегодня медицинские документы изъяты и находятся в прокуратуре. Мы назначим на середину апреля комиссию, которая к этому времени должна получить гистологические сведения патологоанатома. Сейчас еще проведены не все исследования. Мы получим все документы, которые изъяла прокуратура, хотя бы копии...

Корр.: Ну хорошо, какие-то объяснения вы будете давать по этому поводу, или будете ждать завершения прокурорской проверки. Тогда давайтеждемся решения суда. По умершим тройняшкам в родильном доме № 1 так же было?

Т.Л.: По тройняшкам есть решение суда – врачи не виноваты.

Корр.: Врачи виноваты.

Т.Л.: Не виноваты.

Корр.: Вероятно, мы по-разному понимаем решение суда.

Т.Л.: Вероятно.

Специально для Татьяны Владимировны приводим выдержки из решения суда:

«Действия по оказанию медицинской помощи в отделении реанимации новорожденных, жизненно необходимые этим детям, не были произведены врачами роддома».

Напомним читателям. Трое разнояйцевых близнецов, появившихся на свет в результате искусственного оплодотворения, погибли в Петропавловском городском роддоме в ноябре 2008 года. Для расследования происшествия была создана экспертная комиссия, а министерство здравоохранения Камчатского края взяло дело под личный контроль.

Контроль закончился выводами комиссии, что врачи не виновны. Три года потребовалось родителям умерших детей, чтобы доказать обратное. По решению суда родильный дом № 1 должен выплатить потерпевшим 3 миллиона рублей.

По сути дела, никто из опрашиваемых толком не смог объяснить: зачем нам нужна общественная организация «Медицинская палата». Наш главный вопрос о смерти Александра Прасола, как следствия ошибки врачей, нашел понимание у Владимира Речкалова, который косвенно подтвердил правоту нашей газеты.

Что касается краевой экспертной медицинской комиссии.

Правильно она называется Экспертный Совет Министерства здравоохранения Камчатского края. (Приказ минздрава Камчатского края № 259 от 18.08.2011).

Ниже приводим состав экспертов:

1. Председатель ВОЛКОВА Марина Владимировна, заместитель министра здравоохранения.

2. Заместитель председателя ВОДОПЬЯНОВ Владимир Олегович, начальник отдела.

3. Секретарь НАЗВАНОВА Татьяна Васильевна, консультант

Члены Совета:

1. ВАНЧИКОВА Ольга Васильевна – гл. гинеколог.

2. РЕЧКАЛОВ Владимир Анатольевич – гл. анестезиолог и реаниматолог.

3. КИСЕЛЕВА Галина Петровна – зав. детским хирургическим отделением, гл. хирург.

4. СКОБЕЦ Жанна Александровна – зам. гл. врача, гл. педиатр.

5. МОРОЗОВА Наталья Ивановна – начальник отдела здравоохранения департамента социального развития.

6. СОРОКИНА Елена Николаевна – гл. терапевт.

7. ГАЛЬЦЕВА Вера Михайловна – зам. гл. врача по экспертизе горбольницы № 1.

Повторимся, в свое время экспертный совет сделал однозначное заключение, что вины врачей родильного дома № 1 в смерти тройняшек нет. Глядя на состав выше названного Совета, нас это почему-то не удивляет. Полагаем, что в смерти Александра Прасола эксперты усмотрят вину самого больного. Не надо было приезжать в горбольницу № 2. Надо было в горбольницу № 1.

Но не будем забегать вперед и отправимся в городскую больницу № 2 для выяснения подробностей. И первая, к кому мы направились, была заведующая терапевтическим отделением Неля Валентиновна Адамова. Представляемся и задаем один лишь вопрос: «Какие были основания для перевода пациента больницы Александра Прасола в наркологический диспансер, повлекшего за собой столь трагические последствия»? Ответ последовал незамедлительно: «Выйдите из кабинета». Следующих вопросов мы просто не успели задать. Заведующая отделением Неля Адамова молниеносно вскочила со своего рабочего кресла и, бросив на ходу фразу: «Я ничего говорить не буду», – устремилась в ординаторскую, закрыв за собой дверь на замок.

После того, как врач Адамова заперлась от журналистов в ординаторской, нам ничего не оставалось, как отправиться на поиски заместителя главного врача по лечебной части Тамары Молдовану. В отличие от своей подчиненной и коллеги, Тамара Васильевна, узнав, кто мы и откуда, убежать из кабинета не стала. Но и диалога, на который мы рассчитывали, не получилось. Ответы госпожи Молдовану приводим дословно, сохранив стилистику.

Корр.: Тамара Васильевна, не могли бы вы сказать, какие были основания для перевода пациента Александра Прасола в наркодиспансер?

Т.М.: Я не имею права вам говорить какую либо информацию по больному Прасолу либо по другим.

Корр.: А мы интересуемся не личной жизнью больного. Нас интересует, как получилось, что пациент поступил в терапевтическое отделение с предварительным диагнозом двусторонняя пневмония, а уже через три дня его поздно вечером перевезли в наркодиспансер, не уведомив при этом родных.

Т.М.: Нет, я не могу об этом говорить.

Корр.: Хорошо, не могли бы вы рассказать о правилах перевода тяжелобольного из одной больницы в другую? Насколько известно редакции, Александр Прасол с трудом передвигался.

Т.М.: Я не могу комментировать ваши вопросы.

Корр.: А какие вопросы вы могли бы прокомментировать?

Т.М.: Ничего не могу.

Корр.: Но мы же не спрашиваем вас о пациентах. Нас интересует только, почему ваш больной находился без медицинской помощи в течение трех суток, а затем был переведен в наркодиспансер.

Т.М.: Я не могу комментировать ваши вопросы.

Корр.: Скажите, не грозит ли другим пациентам вашей больницы быть отправленными, скажем, в кожно-венерологический или психоневрологический диспансер?

Т.М.: Без комментариев.

Корр.: А у каких врачей, и в каких больницах лечатся ваши родственники?

Т.М.: Это мое личное дело.

Корр.: Может быть, вы ответите на вопрос: какое количество больных умерло в больнице № 2 за 2011 год?

Т.М.: Эту информацию я не обязана говорить.

Корр.: Вы боитесь потерять место работы, если поговорите с нами?

Т.М.: Просто, находясь на рабочем месте, я выполняю свои функциональные обязанности и потому молчу. Я лично говорить ничего не хочу.

Корр.: Сколько лет работает в этой больнице заведующая терапевтическим отделением Адамова?

Т.М.: Без комментариев.

Корр.: А что входит в ваши служебные обязанности?

Т.М.: Без комментариев. И потом, все эти вопросы надо обсуждать не со мной. У нас есть главный врач, и всю информацию он предоставляет. Я обязана спросить у него разрешение на беседу с вами. (Вот это да! Вооруженные силы отдыхают! – Авт.).

Корр.: В Вашей должностной инструкции есть строка о том, что разговаривать с журналистами вы можете по личному разрешению главного врача?

Т.М.: Без комментариев.

Корр.: А Вы лично давно работаете в этой больнице?

Т.М.: С 2008 года. Я вас попрошу покинуть кабинет, я должна работать. Все вопросы, какие у вас есть, задавайте главному врачу.

Корр.: Хорошо. Не могли бы вы сказать, почему у поступившего больного не были сразу взяты анализы, в том числе крови и мочи? Это позволило бы определить заболевание. Или лаборатория при больнице не работала все три дня?

Т.М.: Без комментариев.

Корр.: На направлении, с которым больного привезли по «скорой», стоял диагноз: «двусторонняя пневмония» под вопросом. Получается, что этот диагноз был подтвержден, но посмертно? А в самом отделении в этом диагнозе усомнились?

Т.М.: Без комментариев.

Корр.: Скажите, вы лично, или заведующая терапевтическим отделением выразили соболезнование родным Александра Прасола?

Т.М.: Без комментариев.

Мы покинули кабинет заместителя главного врача, так и не получив ответов на наши вопросы.

Возвращаемся вновь в терапевтическое отделение, надеясь, что Адамова все же найдет в себе силы и хотя бы принесет извинения родным Саши Прасола в связи с трагедией. Увидев нас на пороге служебного кабинета, Неля Адамова резво вскочила.

Мы успели задать только два вопроса: «Неля Валентиновна, нас интересует, на основании чего был переведен в наркологическое отделение Александр Прасол?» и «Как вы расцениваете предложение о добровольном уходе в отставку главного врача, а вас отдать под суд?»

Отталкивая журналистов, Неля Валентиновна ринулась в ординаторскую и вновь дверь захлопнулась на замок...

Заместитель министра здравоохранения Камчатского края Марина Волкова, когда мы ей дозвонились, тут же упредила все вопросы редакции, заявив, что никаких комментариев не будет. И все же обиду высказала: «Мы с некоторыми выводами журналистов не согласны. В настоящее время заместитель председателя правительства Валерий Николаевич Карпенко планирует дать опровержение на вашу статью».

В деле о родильном доме № 1 звучали те же слова, и была ссылка на того же специалиста – господина Карпенко, который занимал, предполагаю, и в новой трагедии, занимает такую же позицию – не выносить сор из избы. Чем закончилось трехлетнее молчание врачей, общественность знает. Судебная тяжба расставила все на свои места. Медикам не удалось доказать свою правоту, суд принял все доводы истцов, т.е. родителей.

Начальник отдела здравоохранения департамента социального развития городского округа Наталья Морозова, после выхода статьи в срочном порядке ушла на больничный. (Возможно, это совпадение. – Авт.).

Служащий этого же отдела господин Ларин, который при подготовке материала рассказал журналистам о правилах транспортировки тяжелых больных из одной больницы в другую, вдруг пошел что называется «в отказ», пытаясь откреститься от своих же слов.

И все же редакции удалось дозвониться до заместителя председателя правительства Камчатского края, курирующего региональное здравоохранение, господина Карпенко. Валерий Николаевич готов дать «добро» на разговор с журналистом, но лишь после того, как получит на руки официальное заключение комиссии по расследованию смерти больного Александра Прасола.

Странно, но уже есть одно медицинское заключение о смерти А.Л. Прасола № 050935 от 14 марта 2012 года с пометкой «окончательное». Или есть «особое мнение» о смерти молодого человека у чиновников от медицины?

Задаем Валерию Карпенко вопросы:

- А, может быть, для начала надо выяснить, был ли установлен точный диагноз заболевания непосредственно в больнице № 2? Затем выяснить, какое было назначено медикаментозное лечение, т.е. какими лекарственными препаратами и таблетками пациента лечили три дня?

По каким показаниям его перевели в наркодиспансер? И почему ночью вывозили тяжелобольного, с трудом передвигающегося пациента?

Отчего родственникам не сообщили о смене больницы?

Ни на один из заданных вопросов зам. председателя правительства ответа не дал.

Посоветовал записаться к нему на прием. Когда же речь зашла об опровержении на статью, которую якобы он, Карпенко, посоветовал подготовить минздраву, то Валерий Николаевич проронил, что он не знает об этом ничего и не может нести ответственности за слова сотрудников мин-

здрави Камчатки. Когда же мы попытались в коротком разговоре с зампреда затронуть тему роддома № 1, где Валерий Карпенко занял жесткую позицию в отношении газеты и журналистов, Валерий Николаевич тут же сослался на то, что он едет в машине, и посоветовал записаться к нему на прием через секретаря. В 2009 году Валерий Карпенко встал на сторону врачей, загубивших новорожденных. При этом врачи так и не попросили прощения у родителей младенцев. И даже при встрече на «круглом столе», где за свое поведение и слова экс-мэр города Скворцов получил детской туфлей по лбу, врачи ни выдавили из себя ни одного слова сочувствия и прощения.

Конечно, мы понимаем, что в нашем здравоохранении системный кризис, сравнимый с кризисом в ЖКХ. Но ниже канализации опускаться нельзя. Иначе вскоре нам придется оставить лишь одно медицинское учреждение – морг.

Патологоанатомы в своих диагнозах ошибаются редко.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ,
Нелли БЕРЕЗИНА.